Под вечер я пригласил её к себе. Признаться, мне не терпелось возобновить наши интимные отношения. Однако Лили пребывала совершенно не в том настроении, поэтому я не отваживался приступить к эротической прелюдии. Беседа долго и беспредметно струилась в нескончаемом русле совместных ассоциаций. Сгустилась тьма, но мы не зажигали свет. Меня всё настойчивей манил светлый ситцевый сарафан с застёжкой – "молнией" сзади. И когда рука, не внемля голосу рассудка, уже тянулась к завлекательному замочку, Лили предложила совершить прогулку. Ну что ж, подумал я, это лучше, чем сидеть в тёмной комнате на одной кровати и томиться от бездействия.

Воздух был до того тёплым, что мы не стали одеваться дополнительно, а пошли в чём есть. Сначала побродили по неизменному Любовному Пути, потом решили обойти студгородок по периметру. Лили хотелось каких – то новых впечатлений, а может, острых ощущений, и она потянула меня на кладбище, почти примыкавшее к студгородку с севера. Я раньше хаживал по ночному погосту для закалки нервов, а вот ей, призналась она, прогуливаться там в тёмное время суток не доводилось. Мы взялись за руки и медленно двинулись на встречу с потусторонним миром.

Путь к кладбищу сказочно озарялся луной. Она выпукло круглилась на эфемерном балдахине ночи, украшенном чистослёзными бриллиантами звёзд. Луна имела цвет латуни, отполированной окисью хрома до неправдоподобного блеска. Задумчивая дымка порой притушёвывала её откровенную яркость, и тогда лунное сияние приобретало зеленоватый оттенок. Невидимые сверчки сплетали в загустевшем воздухе паутинки стрекочущих трелей. Наши настороженные шаги, стелясь по упругому шёлку травы, на время заставляли насекомых смолкать, но затем они снова принимались за своё однообразное музицирование. Одуряюще ароматила сирень, томимая жаждой оплодотворения тяжёлых гроздевых соцветий.

Мы миновали прогнившую деревянную ограду и вступили в царство теней. В мистическом лунном свете испуганно трепетала молодая осинка, исподние стороны листьев мелко пыхали серебром. Грациозные ветки берёз, впаянные в иссиня – чёрный небосвод, изгибались в скорбном молчании.

Зачарованно двигались мы от старинного креста с истлевшим траурным венком к четырёхгранной усечённой пирамидке, увенчанной пятиконечной звездой, от мраморного надгробья, вросшего в бархат мха, к монументальному каменному изваянию. Глаза Лили ужасающе блестели, она льнула ко мне дрожащим телом, и её прерывистое дыхание щекотало моё ухо. А я всё больше отдалялся от созерцания застывшей призрачной красоты, сосредоточиваясь на обаянии живой плоти.

И свершилось кощунство под причудливым сплетением ветвей. Я невольно коснулся "молнии" у Лили на спине, и рука сама раздвоила до пояса её сарафан. Лилия вскрикнула, но не могла противостоять натиску бурных ласк. Тогда она выскользнула из одёжи и с истерическим смехом побежала прочь. Бросив сарафан на могильный холмик, я рванулся следом. Это было краткое и ослепительное неистовство. Безумство страсти. Полёт сквозь вечность.

Вскоре беглянка выдохлась и остановилась, облокотясь на чёрный покосившийся крест. Она была в одних белых трусиках и белых босоножках. Волновались в такт дыханию стойкие груди, рассветно выделяясь на загорелом теле, фосфорически мерцали, как у вурдалачки, глаза. Я

прижал её, покорную, к стволу целомудренной берёзы и устранил последнюю помеху нашему слиянию. Лили охватила ногой мою поясницу и выгнулась в сладостной истоме, вымучив сквозь зубы звериный стон…

Потом мы, будто в бреду, искали по кладбищу сарафан, отгоняли листьями папоротника невесть откуда взявшихся комаров (или сначала мы их не ощущали?), я нарвал ей пышный букет белой сирени… Но всё это было не то – – по сравнению с мигом, навсегда растворившимся в звёздной круговерти мироздания

http://tl.rulate.ru/book/3953/109332